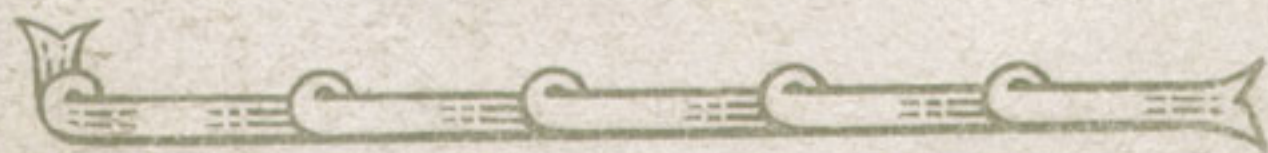

Русская литература

14

1973

ЛЕНИНГРАД

ПОЛЕМИКА

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(ОТВЕТ В. В. КОЖИНОВУ)

В своей статье «Возрождение или Средневековье» («Русская литература» № 2 за 1973 год) В. В. Кожин, возражая мне, берет под защиту русское Средневековье. Он предполагает, что все лучшее в русском Средневековье я отношу за счет Возрождения, как бы изымая это лучшее из русской средневековой культуры.

Мне понятен пафос статьи В. В. Кожина, направленной в защиту культурного наследия древней Руси. Однако перед нами ряд недоразумений.

Прежде всего Возрождение часть Средневековья. Это последний этап средневековой культуры. Следовательно, нельзя противопоставлять одно другому.

Кроме того, ни понятие «Средневековье», ни понятие «Возрождение» в современной науке не являются понятиями оценочными. О ценности периода Средневековья в истории мировой культуры очень хорошо сказано в двух статьях Н. И. Конрада — «Средние века в исторической науке» и «О всемирной литературе в Средние века».¹ Положения этих двух статей я разделяю.

В своей статье «Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков» я не ставил себе задачей дать общую характеристику древнерусской культуры или Средневековья в целом. Я говорю только о развитии на протяжении Средневековья. Всякое же развитие устремлено к будущему. Черты этого будущего в русском Средневековье мне и необходимо было отметить в первую очередь. Зрелое Средневековье чревато Ренессансом. Древнерусская культура в ее наиболее совершенном состоянии, достигнутом в XIV—XV веках, несет в себе черты Предвозрождения.

Но застылых черт нет. В Средневековье, как и в любую другую эпоху, все находится в движении и в борьбе.

Движение и борьба совершаются на разных уровнях. Они крайне многообразны. В них есть главные линии и второстепенные.

В данной заметке я постараюсь дать кратчайшую характеристику отношений Средневековья в целом и поздней стадии Средневековья — Возрождения — к главной линии диалектического развития человеческой культуры, к линии развития человека, линии его освобождения и обнаружения в человеке человеческого начала. На этой основе я постараюсь показать главную черту Возрождения.

* * *

Движение человеческой культуры вперед не может совершаться без последовательного роста некоторых начал, способствующих этому движению. Любое творчество, любое создание новых ценностей нуждается

¹ Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1972, стр. 77—102 и 432—445.

в обогащении возможностей открытия этого нового, в развитии возможностей творческого выбора.

Человек — творец, создатель новых ценностей. Он способен выбиваться из-под власти традиций, способен преодолевать инерцию старого. Способность человека к творчеству немислима без развития в нем личного, индивидуального начала, без свободы этого индивидуального начала. История человеческой культуры демонстрирует этот процесс в грандиозных размерах и чрезвычайно разнообразных формах.

Смена формаций — этапы освобождения человека. Освобождение человека от опеки рода, освобождение из-под власти сословия и корпорации, освобождение от угнетения класса... Этому соответствуют различные формы «открытия человека». Последнее — отнюдь не монополия одного Возрождения, как это представляли себе Мишле и Буркгардт.

Когда в наскальных изображениях среди многочисленных и величественно написанных зверей, на которых охотился первобытный человек, появляются первые контуры самого охотника, — это уже открытие человека, это осознание человеком своего присутствия в окружающем мире.

Когда в литературе возникают образы индивидуальной судьбы человека — привязчивого Горя-Злочастия или не менее назойливого беса, берущего с человека письменное обещание отдать ему после смерти свою душу, — это тоже открытие, открытие собственного жизненного пути, не повторяющего пути его «отцов и дедов».

Я привел только примеры. Путь открытия человека бесконечен. Освобождение человека имеет многообразные формы на разных этапах человеческого развития. Вся история человеческой культуры есть цепь последовательных открытий человека. Человек в той или иной форме постоянно открывается в мифе, в литературе, в скульптуре и живописи, в музыке, в богословии и философии, в какой-то мере и в архитектуре, поскольку и последняя в сильнейшей степени связана с представлениями о человеке.

Открытие человека совершается в поступательном ходе человеческого развития бесконечно, так как сам человек не есть постоянная величина. Он входит во все новые отношения с усложняющейся действительностью, по-разному осознает и определяет свое положение в обществе, обогащает свой внутренний мир — отражение его внешних отношений. Поэтому человек, вечно наблюдая себя через искусство и другие формы творческого познания, постоянно открывает в себе нечто новое, нечто все более и более глубокое, сложное и творческое.

Но процесс открытия человека в человеке не есть процесс одних только побед и достижений. Он связан и с некоторыми утратами, иногда очень существенными. Поэтому так важны все дисциплины, изучающие историю человеческой культуры, литературоведение в частности. Изучение культуры прошлого способно предотвратить эти утраты или вернуть нам забытые ценности, открыть в старых ценностях новые ценностные начала.

Очередной этап освобождения человека совершается тогда, когда на почве новых экономических отношений дискредитируется сам принцип, на котором зиждилось старое закрепощение человека. Так, развитие буржуазных отношений в эпоху позднего Средневековья привело к дискредитации подчинения личности власти корпорации. Власть корпорации закрепощала человека раз и навсегда. Она была связана даже с обрядами посвящения в рыцарство, в члены ремесленного цеха, в купеческую гильдию, в ту или иную церковную организацию. Эту навечно закрепляемую принадлежность к корпорации и дискредитировало развитие буржуазных отношений, где все стало зависеть от зыбкой власти денег.

Ренессансное освобождение личности, возникшее в позднее Средневековье на основе развития буржуазных отношений, имело сотни про-

явлений. В живописи — это реалистические принципы искусства, порывающие с подчинением изображения человека движению линий и композиции, условному, «означающему» цвету; это перспектива, устанавливающая точку зрения на мир индивидуального зрителя. В литературе — это разные формы освобождения автора, читателя и литературного персонажа. В искусстве в целом — это рост интереса к личности и ее переживаниям, торжество индивидуального автора и даже принципа авторской собственности. Это также и развитие индивидуального чтения.

Не буду перечислять всех признаков ренессансного освобождения личности.²

Значит ли это, что предшествующее позднему Средневековью — Ренессансу — зрелое Средневековье не знало человека, не имело представлений о его достоинстве и т. д.? Раннее и зрелое Средневековье было громадным шагом вперед сравнительно с Античностью. Крепостное право феодализма не было рабством. Человек был не только подавлен принадлежностью к той или иной средневековой корпорации, но и возвышен ею... Чувство гордости принадлежностью к определенной корпорации поднимало сознание собственного достоинства каждого члена корпорации. Рыцарь гордился не только своим рыцарством, но и принадлежностью к определенному рыцарскому ордену. Ремесленник гордился своей принадлежностью к ремесленному цеху, каменщик — к своей ложе, студент — к своей студенческой организации, купец — к гильдии, горожанин — к своему городу. Это доказывают цеховые и гильдейские празднества, городские торжества. Понятие корпоративной чести поднимало чувство собственного достоинства. Хотя это чувство собственного достоинства определялось не человеком самим по себе, но его принадлежностью к корпорации, оно было тем не менее чрезвычайно интенсивно.³

И то же интенсивное сознание чести характерно для древней Руси. Поразительно, что Краткая Правда «позорящему моменту» уделяет большее внимание, чем «моменту физического вреда» (термины исследователя Правды Н. А. Максимейко). В этом сказывалось повышенное чувство чести в древнерусском обществе. Так, за кровавую или «синюю» рану по статье первой полагалось платить 3 гривны, а за сравнительно безопасное нанесение удара батоном, жердью, рукой, чашей, рогом или мечом, но плашмя, по статье третьей полагалось платить целых 12 гривен. Эти относительно безвредные удары выражали крайнее презрение к противнику и были поэтому более оскорбительны, чем кровавые удары острием меча. В статье четвертой уточнялось: «Если ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то платить 12 гривен за обиду». Особенно оскорбительным считалось посягательство на усы и бороду. В статье четвертой той же Краткой Правды читаем: «А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне». Примечательно, что один из смоленских договоров с немцами различает бороду боярина и «куноемца». Первая оплачивается тремя гривнами, вторая пятью. Статья 26 Пространной Правды дает любопытное дополнение к этим установлениям. Если за сравнительно безопасные удары батоном, чашей, рогом или удар мечом плашмя обиженный, не стерпя того, в ответ ударит мечом по-настоящему, «то вины ему в томь нетуть»!

Оскорбление каралось более сильно, чем физический вред. Оно было невыносимее для человека древней Руси кровавой раны!

Но честь человека защищалась только в той мере, в какой он принадлежал к определенной корпорации. Характерен в этом отношении

² Отмечу, что западноевропейское Средневековье знало несколько ренессансов, несколько порывов ренессансного движения (см.: Erwin Panofsky. Renaissance and Renascences in Western Art. London, 1970).

³ W. Ullmann. The Individual and Society in the Middle Ages. Baltimore, Maryland, 1966.

один рассказ Адама Олеария. Рассказ этот свидетельствует о том почтении, которым в древней Руси окружались знаки принадлежности к корпорации. Таким знаком принадлежности к белому духовенству была скуфия — круглая шапочка, надевавшаяся на «гуменцо» — выбритое посередине головы место. «Шапочку эту, — пишет Олеарий, — попы никогда днем не снимают, разве только для того, чтобы снова постричь выросшие на голове волосы; это как бы священная принадлежность, и она имеет великое значение. Если кто ударит попа и при этом попадет по шапочке, или сронит ее с головы священника на землю, тот подвергается большому взысканию и должен заплатить попу за бесчестие... Чтобы не тронуть священной шапочки, сперва бережно снимают ее с попа, затем поколотят его хорошенько, и снова бережно надевают на него оную».⁴ Рассказ Олеария относится к XVII веку, но представления о корпоративной чести дожили до XX века. Освобождение же личности из-под власти корпорации началось еще в XIV веке. Оно началось в форме развития индивидуального начала, в форме развития эмоциональности в литературе, авторского начала и пр. И этот предренессансный эмоциональный стиль входит в характерные черты зрелого Средневековья так же точно, как входят многие черты средневековой психологии в систему представлений зрелого Нового времени — XIX века. Каждая культура состоит из появившихся только при ней и до нее явлений, из традиций старых стадий и начатков нового, находящихся в состоянии борьбы со старым. Каждая культурная стадия есть динамическая система, находящаяся в состоянии движения. Поэтому в ней соседствует будущее, прошлое и настоящее. Предренессансные и ренессансные явления входят в Средневековье. Элементы их присущи стадии зрелого Средневековья и составляют суть позднего Средневековья.

Древняя Русь немыслима без Рублева и Епифания, без эмоционального стиля XIV века, без борьбы с основами зрелого Средневековья.

Исследуя движение и развитие, мы должны обращать пристальное внимание на элементы нового. Вот почему, исследуя развитие литературы в Средние века, мы прежде всего придаем значение Предвозрождению и тем элементам Ренессанса, без которых немыслимо Средневековье и которые являются в нем прогрессивными. Но это не означает, что старое лишено ценностей. Средневековье высоко поставило человека и его достоинство, но как представителя корпорации.

* * *

Между русским Предвозрождением и элементами Возрождения на Руси и итальянским Ренессансом есть глубокие различия. И они лежат прежде всего в отношении к Античности.

Как я уже сказал, каждая стадия развития культуры обладает своими неповторимыми ценностями, которые частично утрачиваются в последующем развитии. Именно этим обусловлено частичное обращение культуры к предшествующим стадиям в своем движении вперед и при этом обращение не к непосредственно предшествующим, от которых культура отталкивается, а к более ранним: не к «отцовским», а к «дедовским».

Для западноевропейского Ренессанса было характерно обращение к Античности. Дело в том, что при рабовладельческой формации, соответствующей Античности, к которой устремлялся Ренессанс, личность человека достигла гармонического и очень высокого развития, но... только личность свободного человека, человека рабовладельческого

⁴ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевел с немецкого П. Барсов. М., 1870, стр. 351.

класса. Рабство составляло основу античной культуры. В античные времена раб «освобождал» своего господина. Рабство делало возможным существование высокоразвитой культуры «свободных» людей. Идеальное государство Платона — надстройка над многочисленным слоем рабов. Но ни сами греки этого не замечали, ни представители Ренессанса. Последние искали в Античности свободную личность человека. Античное рабство для них как бы не существовало.

Обращение к Античности было особенно сильно в Италии, где в нем видели «свое прошлое». Италия была страной, где следы античной культуры встречались непосредственно на каждом шагу.

На Руси в XIV и XV веках в эпоху Предвозрождения обращение к Античности не имело действительного значения. Античность появлялась у нас только через византийское посредство. Зато более действенным было обращение к Руси домонгольской. Эта «своя античность» помогала в отстаивании своей независимости, но она не могла помочь даже в секуляризации культуры. Античность в Италии способствовала секуляризации культуры, так как она была языческой и язычество могло восприниматься как религия условно-декоративная, как явление чисто эстетическое. Русь эпохи независимости (X—начало XIII века) была христианской, и культура ее не вызывала секуляризационных явлений, как она вызывала их в Италии. Это было одной из причин, почему Предвозрождение не перешло у нас в Возрождение, главное различие между которыми лежит в сфере отношения к религии.

Если считать, что главное в эпоху Предвозрождения и Возрождения — это отношение к древней Элладе и Риму, то, разумеется, элементы такого Предвозрождения и Возрождения были у нас минимальны.

Однако суть Возрождения — новое отношение к человеческой личности — была у нас та же, может быть отличаясь только степенью своего осуществления во времени, которое это осуществление заняло.

Без освобождения человеческой личности из-под власти корпорации не могло совершаться поступательное развитие человеческой культуры. У нас было Предвозрождение — освобождение личности на стадии религиозного сознания и в пределах главным образом эмоциональной сферы, но эпохи Возрождения как таковой у нас не было ни в древней Руси, ни позднее, в Новое время, когда Возрождение было бы уже лишено своего исторического смысла, так как само Новое время не могло быть достигнуто без культурных завоеваний Возрождения. В этом отрицании существования у нас эпохи Возрождения я решительно расхожусь с В. В. Кожинным, который усматривает русское Возрождение в XVII—XIX веках. Но хотя эпохи Возрождения у нас и не было, был затяжной период, в течение которого возрожденческое раскрепощение личности медленно совершилось, преодолевая сильное сопротивление реакции.⁵

Не было эпохи Возрождения, но были длительные явления Возрождения, подготовившие вступление России и русской культуры в Новое время. В процессе этого перехода к Новому времени явились не только величайшие достижения, но, разумеется, и свои утраты, неоднократно заставлявшие отдельных русских людей XIX века обращаться к культуре древней Руси и находить в ней забытые ценности.

⁵ Когда в XVI веке Русское централизованное государство стремилось подавить новые идеи, оно боролось прежде всего с человеческой личностью. Отрицательное значение опричнины в культурном развитии России заключалось именно в этом подавлении личностного начала. Личность человека подавлялась и унижалась в репрессиях опричнины во всех классах и сословиях — от простого новгородского крестьянина и до наследника престола и митрополита. Это было не ренессансное равенство всех перед законом, а равенство всех перед беззаконием и произволом. И это не была реакция Средневековья. Опричнина была вполне новым явлением, вызванным к жизни сопротивлением Возрождению.